

И.В. ВАЧКОВ

СКАЗКОТЕРАПИЯ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

ВВЕДЕНИЕ В СКАЗКОТЕРАПИЮ

Сказкотерапия: теория и практика

Игорь Вачков

**Введение в сказкотерапию,
или Избушка, избушка,
повернись ко мне передом...**

«Интермедиатор»

2017

УДК 159.88
ББК 88.4

Вачков И. В.

Введение в сказкотерапию, или Избушка, избушка, повернись
ко мне передом... / И. В. Вачков — «Интермедиатор»,
2017 — (Сказкотерапия: теория и практика)

ISBN 978-5-98563-498-3

Книга открывает новую серию, посвященную сказкотерапии, и дает общее представление об этом направлении работы. Автор рассматривает ключевые теоретические вопросы сказкотерапии, приводит типологию сказок, анализирует приемы и методы работы. В книге также приведен богатый каталог сказкотерапевтических игр и упражнений, отражающий специфику работы в зависимости от проблем и возраста людей. Издание поможет специалистам с опытом систематизировать свои знания и найти полезные практические материалы, а начинающим – составить представление о глубине и многообразии этого психотерапевтического направления. 3-е издание (электронное)

УДК 159.88
ББК 88.4

ISBN 978-5-98563-498-3

© Вачков И. В., 2017
© Интермедиатор, 2017

Содержание

О серии «Сказкотерапия: теория и практика»	6
Предисловие	7
Введение	9
Раздел I. Теоретические вопросы сказкотерапии	10
Глава 1. Сказки в человеческой культуре	10
Почему люди любят сказки?	10
Причины сходства сказочных сюжетов	13
Проблема происхождения сказок	14
Сказки в культурологии и психологии	15
Глава 2. Понятие сказки и типология сказок	18
Что же такое сказка?	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Игорь Вачков
**Введение в сказкотерапию, или Избушка,
избушка, повернись ко мне передом...**

© Вачков И. В., 2011

© Издательство «Генезис», 2011

О серии «Сказкотерапия: теория и практика»

Сегодня никого не надо убеждать в том, что сказкотерапия имеет серьезную перспективу. Используя метафорические ресурсы сказки, она позволяет развивать самосознание человека и строить особые уровни социального взаимодействия, то есть преследует вполне гуманистические цели, притом воздействует мягко и ненасильственно, но результативно.

Признанная в качестве метода в начале 1990-х годов, сказкотерапия начала стремительно развиваться и завоевывать все большее признание специалистов, равно как и получать все более широкое распространение на практике. В настоящее время ее используют не только собственными психологи, но также педагоги и врачи, что говорит о просторе возможностей метода.

В то же время столь активный рост практики стал одной из ключевых причин того, что интерес к сказкотерапии начал обгонять уровень разработанности ее методологических, теоретических, а в связи с этим и методических основ. Отдельные, хоть и все более частые публикации по данной проблематике, содержат различные точки зрения разных авторов, что, с одной стороны, вполне правомерно, но с другой – затрудняет построение технологической базы в конкретных условиях, приводит к разночтениям и эклектике в трактовке самого понятия «сказкотерапия», а стало быть, его сущности.

Для того чтобы преодолеть наметившийся разрыв, необходимо было объединение усилий науки и практики, а также консолидация специалистов в области психологии и других социальных сфер, использующих в своей деятельности сказкотерапию. Важной вехой этого процесса явилось образование в начале 2005 года Сообщества сказкотерапевтов, ставшего координатором деятельности специалистов в области сказкотерапии и представителей смежных направлений в целях обобщения опыта и содействия развитию сказкотерапии.

Предлагаемая книжная серия является совместным проектом Сообщества сказкотерапевтов, издательства «Генезис» и журнала «Школьный психолог». В ней представлены разработки как теоретического, так и практического характера, что очень важно для формирования строгой научной базы метода.

Объединение «под одной крышей» теоретических новаций в области как собственно сказкотерапии, так и теории сказки, с лучшим опытом практиков России, Украины, Беларуси и других стран позволяет строить общие, притом выверенные, основы метода и фокусировать внимание на глубоко профессиональной его реализации.

Предисловие

Новая книга профессора И. В. Вачкова, известного психолога и ведущего российского сказкотерапевта, как нельзя более актуальна в настоящее время, так как в серьезной мере способствует становлению сказкотерапии в качестве научной школы, а именно это является залогом результативности практического ее использования в ближней и дальнейшей перспективе.

Не секрет, что пока, к сожалению, имеет место (притом не так уж и редко) самоназвание психологов сказкотерапевтами без серьезной подготовки в этой области, что неизбежно ведет к дилетантизму в профессиональной деятельности. Это недопустимо само по себе, а в связи с тем, что психологическая культура в нашем обществе пока еще недостаточно развита, в конечном счете чревато дискредитацией метода. А потому необходимо формировать цельную теоретическую основу его, и «Введение в сказкотерапию» И. В. Вачкова – весомый вклад в этот процесс.

Бытует мнение, что сказка – достаточно простой феномен для того, чтобы пользоваться ею в индивидуальной и групповой работе психолога. Поэтому крайне важна сосредоточенность автора в теоретической части книги на базовых вопросах, составляющих ключевые позиции метода, своеобразные реперные точки, такие, как роль и место сказки в культуре человечества, понятие и типология сказок, метафора как ядро сказки, особенности ее применения в работе сказкотерапевта и т. д.

Весьма плодотворен приведенный в книге анализ положения сказкотерапии среди других методов психотерапевтической и психологической работы. Принципиальное значение имеет раскрытие понятия интегративной сказкотерапии, акцентированной на развитие самосознания индивида и повышение уровня взаимодействия между людьми как условий становления субъектности; выделение связи субъектности с расширением экологического мира человека, то есть с выходом в новые пространства представлений, отношений и действий, а метафоры – как универсального средства перехода в новые пространства.

Подход к теоретическим аспектам сказкотерапии у И. В. Вачкова аналитичен и основателен. Например, он не ограничивается констатацией тезиса о необходимости возникновения сходства между семантическими пространствами души читателя/слушателя и сказки для того, чтобы состоялось и проявилось ее воздействие, но и (что особенно ценно) рассматривает, каким именно образом в ходе работы со сказкой происходит процесс построения границ между мирами: внутренним и внешним, реальным и вымышленным.

Проблематика, исследуемая в книге, помогает специалистам действовать более осознанно в практической деятельности, а предлагаемый в ней инструментарий, основанный на теоретических построениях, дает убедительные примеры высокого профессионализма ученого, основательно владеющего практикой.

При этом показаны особенности и приемы работы сказкотерапевта с младшими школьниками, подростками, старшеклассниками и взрослыми. Это принципиально важно, поскольку психологическое воздействие сказки, с одной стороны, универсально и связано в первую очередь с подсознанием, с другой – зависит от возраста человека и соответственно от уровня его социализации, жизненного опыта, приверженности к определенным поведенческим и социальным стереотипам и т. д.

«Введение в сказкотерапию» поможет специалистам с опытом систематизировать свои знания и найти полезные для работы материалы, а начинающим – составить представление о глубине и многообразии этого психотерапевтического направления.

*Доктор философских наук,
кандидат психологических наук,
профессор МГУДТ,
Наговицын А. Е.*

Введение

Среди всех определений сказки есть одно, которое, может быть, и не является исчерпывающим, но уж точно одно из самых красивых. Речь идет об определении знаменитого русского философа Ивана Ильина: «Сказка – это сон, приснившийся нации».

В этой фразе отражена главная черта сказки – ее принадлежность к коллективному бессознательному. Сноподобная природа сказки обуславливает ее загадочность и привлекательность для всех людей. Однако больше всего именно психологам и психотерапевтам не дают покоя таинственные ресурсы сказки, позволяющие удивительным образом менять внутреннее состояние человека.

Попытки разгадать загадки сказочных образов и сюжетов – иногда успешные, иногда не очень – привели к появлению не только массы психологических исследований сказки, но и легли в основу нового направления, становящегося с каждым днем все более популярным – сказкотерапии.

Можно ли считать сказкотерапию научной школой? Думается, что нет. Пока придавать ей такой статус по меньшей мере преждевременно. Границы, отделяющие сказкотерапию от других психологических подходов, направлений, школ, весьма размыты. Основные принципы сформулированы недостаточно четко. Предмет до конца не определен. Да и обилие дефиниций самого понятия «сказкотерапия» свидетельствует об отсутствии единого понимания сущности направления даже у его приверженцев.

В настоящий момент сказкотерапия – это именно направление, некий вектор движения специалистов-практиков. Ему явно недостает серьезных методологических оснований. Необходимы глубокая проработка базовых идей и формулирование важнейших теоретических положений сказкотерапии, которые помогут выстроить достаточно стройную научную концепцию этого направления. Публикация книг серии «Теория и практика сказкотерапии», возможно, позволит продвинуться к решению указанной задачи. Мы еще только в начале пути.

В книге, которая оказалась у вас в руках, предпринята попытка осмыслить некоторые черты сказкотерапии, найти предпосылки ее возникновения и оценить ее место и роль в деятельности психолога. Принципиальная авторская позиция заключается в том, что сказкотерапия понимается как психологический метод, а ее основной целью является помощь в становлении субъектности человека. Такой взгляд лег в основу интегративной сказкотерапии – подхода, разрабатываемого автором.

Книга включает три раздела. В первом рассматриваются некоторые теоретические аспекты сказкотерапии, формулируется ряд методологических идей, анализируются различные определения сказок и их классификации, раскрывается роль метафоры как ядра сказки в работе психолога-сказкотерапевта. Второй раздел описывает основные методы, способы и приемы применения сказок в психологической деятельности при оказании помощи детям разных возрастов и взрослым. Содержание третьего раздела составляют конкретные психологические техники, упражнения, игры, использующие сказку, которые могут быть реализованы в работе с разным контингентом.

Таким образом, книга позволит читателю, с одной стороны, ознакомиться с базовыми вопросами теории сказкотерапии, а с другой – пополнить психологический арсенал новым сказкотерапевтическим инструментарием.

Раздел I. Теоретические вопросы сказкотерапии

Глава 1. Сказки в человеческой культуре

Почему люди любят сказки?

Интерес самых разных людей к сказке в последние годы вырос непомерно. Доказательств этому – пруд пруди. Речь не идет о постоянном спросе на детскую сказочную литературу: «Колобок» и «Репку» российские родители как читали своим малышам, так и продолжают читать. И по-прежнему активно покупаются «Винни-Пух и все-все-все», «Алиса в Стране Чудес», сказки Андерсена и другие классические сказочные произведения.

Дело в другом. Мы с вами являемся свидетелями совершенно новых и неординарных явлений: безумие вокруг книг о маленьком английском волшебнике Гарри Поттере, выходящих миллионными тиражами во всем мире; популярность романов в жанре фэнтези, представляющих собой не что иное, как сказки для взрослых. А шедшие нарасхват, словно горячие пончики, сказки-притчи Пауло Коэльо, привлечшие внимание подростков, которых, казалось бы, уже ничем не удивить? А открытый российскими читателями не так давно Филипп Пулман, пишущий «детские книги для взрослых сердец»?

А невероятный успех в кинопрокате трилогии о Властелине колец, появившейся несколько лет назад? А бурно встреченное поклонниками появление фильмов по книгам Сергея Лукьяненко «Ночной дозор» и «Дневной дозор»: ведь это просто современные сказки о светлых и темных силах, о магах и вампирах! Да и в самое последнее время регулярно появляются полнометражные фильмы-сказки, пользующиеся неизменной популярностью.

Эту «сказочную тенденцию» давно уловили психологи: сейчас ни одно направление практической психологии и психотерапии не обходится без использования метафор, в том числе сказочных. Более того, появилось особое направление – сказкотерапия, – где именно сказка используется для оказания психологической помощи людям самого разного возраста.

В чем же дело? Почему сказки захватывают умы и сердца не только детей (это-то никого не удивляет), но и огромного (если не сказать подавляющего) большинства взрослых людей?

Первый фактор – социальный. По-видимому, этот фактор действует с двух полюсов. С одной стороны, полностью обеспеченная, беззаботная (а потому скучная) жизнь одной части населения направляет ее внимание на потребление сказочной продукции для развлечения. С другой стороны, в серых и порой драматических буднях другой (большей) части населения сказочные миры создают возможность отвлечься хоть на время от многочисленных проблем и погрузиться в совершенно иную – удивительную и прекрасную реальность. Этот фактор достаточно очевиден, и нет смысла подробно на нем останавливаться.

Второй фактор – традиции искусства. Дело в том, что сказочность, метафоричность, мифологичность произведений искусства – это не только что их появившаяся черта, а свойство, издавна присущее продуктам художественного творчества. А. А. Брудный пишет: «Метафорическое видение мира и соответствующее его понимание современные психологи (в частности, представляющие такие направления, как глубинная и радикальная психология) склонны связывать с генезисом человека и соответственно – с человеческой культурой» (*Брудный*, 1998, с. 30).

Иными словами, не сегодня родилось это явление, корни его – в человеческой культуре. Можно вспомнить давно известный культурологам, литературоведам, психологам факт, что многие сказки являются пересказом мифов и между сказками и мифами существует прочная родственная связь. Следовательно, мифологизм, присущий ряду произведений искусства, определяет те эстетические переживания, которые формировались в человеке культурой.

Вообще-то традиционно мифология и литература противопоставляются. Многие исследователи полагают, что мифология и письменная литература являются двумя принципиально различными способами видения и описания мира, существующими одновременно и во взаимодействии и лишь в разной степени проявившимися в те или иные эпохи. Мифологические тексты отличаются высокой степенью ритуализации и повествуют о коренном порядке мира, законах его возникновения и существования. Мифы исторически появились раньше письменных текстов, а собственно художественное повествование, как полагают литературоведы, родилось в результате дробления единого мифологического образа и сюжетного языка.

Однако «расхождение путей» мифологических и художественных текстов оказалось недолгим. Встреча произошла впервые особенно ярко в литературе эпохи Возрождения, а потом в XIX веке – в произведениях основоположника «неомифологизма» Вагнера, который считал, что народ именно через миф становится создателем искусства, что миф – поэзия глубоких жизненных воззрений, имеющих всеобщий характер.

Но только начало XX века оказалось по-настоящему благотворным для расцвета литературы, ставшей предвестницей современных мифологизированных и сказочных жанров. Мифология в силу символичности, изначально ей присущей, оказалась удобным языком описания вечных моделей личного и общественного поведения, неких сущностных законов социального и природного космоса. Великая тройка писателей-мифотворцев – Томас Манн, Джемс Джойс и Франц Кафка – реабилитировала миф в литературе полностью и, думается, надолго. Появились многочисленные литературные сказки, вошедшие не только в сокровищницу мирового искусства, но и в арсенал современных психологов-сказкотерапевтов: произведения Лаймена Фрэнка Баума, Джеймса Барри, Карло Коллоди, Джанни Родари, Астрид Линдгрен. А к середине XX века приемы мифологизации были развиты и приобрели совершенно особые черты в книгах родоначальников жанра фэнтези Дж. Р. Р. Толкиена и его друга Клайва С. Люиса.

Не буду останавливаться на всех этапах развития сказочной литературы и проявления в ней мифологизма: приведенных примеров достаточно, чтобы удостовериться в богатых традициях. Именно мифологизация и сказочность предоставляют возможность писателям на основе имеющихся литературных традиций выйти за пределы обыденной реальности, преодолеть ограничения привычных сюжетов. По-видимому, именно в последние годы мифологизм в искусстве достиг своего расцвета, что и отразилось в росте популярности сказок.

Третий фактор – мифологизм человеческого мышления. Одна из причин непреходящего интереса людей к сказкам – сохранение у современного человека мифологического мышления. Иначе говоря, мифологический тип сознания – вовсе не достояние прошлого, он и сейчас реально существует.

Но сначала разберемся с тем, что такое вообще мифологическое мышление.

По А. Ф. Лосеву (Лосев, 1990), в мифологическом мышлении не различаются: объект и субъект, вещь и ее свойства, имя и предмет, слово и действие, социум и космос, человек и вселенная, естественное и сверхъестественное, а универсальным принципом мифологического мышления является принцип партиципации («все есть все», логика оборотничества).

Можно говорить, что мифологическое мышление выражается в неотчетливом разделении субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени, вещи и ее атрибутов, единичного и множественного, пространственных и временных отношений, происхождения и сущности. А. Ф. Лосев подчеркивает, что миф – не схема или аллегория, а сим-

вол, в котором два плана бытия неразличимы и осуществляется не смысловое, а вещественное, реальное тождество идеи и вещи.

Для мифологического сознания и порождаемых им текстов характерна прежде всего недискретность, слитность, изо- и гомоморфичность передаваемых этими текстами сообщений. То, что с точки зрения немифологического сознания различно, расчленено, подлежит сопоставлению, в мифе выступает как вариант (изоморф) единого события, персонажа или текста.

Концепция К. Г. Юнга (*Юнг*, 1996) и специально проведенные эксперименты доказывают, что даже современный цивилизованный человек в своей реальной жизнедеятельности руководствуется подчас не осознанно принятыми решениями, базирующимися на рациональном мышлении, а установками, имеющими мифологизированный характер и не подчиняющимися законам формальной логики. Отсюда – неосознанное стремление к мифам и сказкам.

Установление Юнгом известных аналогий между различными видами человеческой фантазии (включая миф, поэзию, сказки, бессознательное фантазирование во сне), его теория архетипов расширили возможности поисков ритуально-мифологических моделей в самой психике. Юнг (кстати, увлеченный сказочно-мифологическими мотивами произведений Вагнера) не просто создал новую психологическую школу – он открыл человечеству неожиданные глубины психического, связанные с мифологизмом; его идеи послужили основой для создания огромного числа художественных произведений, в том числе и фантастических, и сказочных.

Последователи школы Юнга неустанно демонстрируют проявления архетипического в самых разных аспектах жизни человека. Литература и фантастика, по их мнению, являются ярчайшими проявлениями мифологизированного содержания коллективного бессознательного.

Четвертый фактор – специфические свойства метафоры. Оценивая роль метафоры и сказки в человеческой психике, О. А. Свирепо и О. С. Туманова пишут: «Именно это свойство – способность перекраивать реальность так, чтобы сохранить ее элементы, придавая им новый смысл, – делает ее столь ценным инструментом психотерапии. Принцип метафоры используют для того, чтобы по-новому расставить акценты, помочь пациенту переосмыслить свой опыт... То есть для того, чтобы метафора была эффективной (это в равной степени касается и символа, и образа), необходимо, чтобы она чем-то напоминала «первичные метафоры», «первичные мотивы», как бы работала на соответствующей частоте» (*Свирепо, Туманова*, 2004, с. 16).

Любопытно, что именно эти особенности метафоры отражены в современных романах жанра фэнтези, литературных сказках, фантастических кинофильмах. В них авторы, осуществляя научно-технический и социальный прогноз, мифологизируют будущее, а осуществляя философско-познавательную функцию в отношении эволюции человека и общества, опять-таки создают новый миф о реальности. То есть современные «сказочные» произведения опираются на прошлое (через древние мифы), по-новому толкуют настоящее (творят миф о действительности) и устремляются в будущее (ставя миф в качестве цели или прогноза). Культурно-психологические факторы, таким образом, не могут не влиять на запросы читателей, которые сознательно или бессознательно нуждаются в подобной «мифологической подпитке».

О. В. Защиринская выявляет ресурсы образа дурака в русских сказках: «Абсурд как изыск интеллекта является мощнейшим мотиватором к самоизучению и психокоррекции. Сказка ведет нас к человеческим ценностям, разуму от обратного, предьявляемого в гротескной форме. Давайте ужаснемся и сразу начнем думать в пользу позитивного самоизменения. Сказка – целитель сознания человека, затерявшегося в хаосе безумия и абсурда повседневности. Простота героя-дурака придает нам чувство веры в постижение возможностей собствен-

ной воли, интеллекта и могущества. Каждый – творец своей судьбы в этнокультурном контексте!» (Защиринская, 2001, с. 39).

Пятый фактор – научный: парадигма постнеклассической науки. Наука и ее достижения всегда влияют на общественное настроение и состояние умов даже обычных обывателей. Современный уровень развития науки многими исследователями и методологами характеризуется как переход к постнеклассической парадигме. Не вдаваясь в детали, можно сказать, что эта парадигма подразумевает полный отказ от традиционных детерминистических представлений о мироустройстве, диалогичность, включение в сферу изучения нестабильности как свойства систем, признание множественности истин. В рамках этой парадигмы осуществляется ассимиляция практической психологией достижения духовных практик, созданных в разное время и в разных местах. А в качестве философских оснований науки рассматриваются философские идеи древности, восточные учения, взгляды писателей, художников, религиозных деятелей. В частности, ориентированные на постнеклассическую парадигму физики пишут: «Нелокальность является фундаментальным свойством всей Вселенной».

А теперь вспомним основной принцип мифологического мышления – принцип партиципации («все есть все»). Вспомним и тот факт, что одной из ведущих идей символистов – больших любителей мифологизма – является идея всеединства, почерпнутая в философии Владимира Соловьева.

Захватывающая и волнующая мысль о взаимосвязанности мира, недискретности его, взаимопереходах объектов друг в друга, проистекающая из физики (!), естественно, стала сильнейшим фактором создания фантастических и сказочных произведений, проникнутых мифологизмом.

Так что причин любви и интереса к сказке много. Мы рассмотрели далеко не все. Но, думается, и названных достаточно, чтобы понять: сказки – это совсем не просто...

Причины сходства сказочных сюжетов

Даже простое чтение сказок (особенно специально созданных для терапевтических целей) дает удивительный эффект и помогает человеку преодолеть различные жизненные трудности. Отчего же это происходит? Попробуем разобраться, выделив разнообразные психологические трактовки содержания сказок, в частности, те позиции, которые сложились в науке по вопросу об источниках появления однородных сказочных мотивов.

Как объяснить тот факт, что даже у очень далеко живущих друг от друга народов сюжеты сказок похожи? Например, во многих странах существуют аналоги русской сказки «Колобок». В Норвегии прямо со сковородки сбегает блинчик. В немецкой сказке пирог удирает от двух женщин, его не поделивших. Также спасаются бегством от людей пряничные человечки и прочие хлебобулочные изделия. Почти у всех народов в разных вариантах можно встретить один из самых архаичных сюжетов о красавице и чудовище (у нас наиболее ярко описанный в сказке «Аленький цветочек»).

О причинах поразительного сходства мотивов сказок, бытующих у разных народов, было много споров. Так, можно говорить о трех основных точках зрения на эту проблему:

- 1) «индийская версия», согласно которой все основные сказочные сюжеты и образы родились в Индии и позже распространились по Европе (Т. Бенфей);
- 2) «вавилонская версия», утверждавшая, что именно Вавилон является родиной сказок, а перевалочным пунктом на их пути в Европу был полуостров Малая Азия (А. Йенсен, Х. Винклер, Е. Штукен);

3) «версия многих центров», настаивавшая на невозможности указать одно конкретное место рождения всех волшебных сказок, что подразумевает возникновение разных сказок в разных странах («финская школа», основанная К. Кроном и А. Аарне).

Последняя точка зрения любопытна еще и предложенным методом определения «первичного» варианта сказки: с помощью анализа всех сказок со сходным мотивом предлагалось выбрать самую подробную, поэтичную и понятную версию, которую и следует рассматривать как изначальную. Кстати, этот взгляд был подвергнут достаточно аргументированной критике со стороны М.-Л. фон Франц, указавшей на то, что передаваемая из уст в уста сказка совсем не обязательно ухудшается, но с тем же успехом может и улучшаться.

Объяснения наличию «бродячих» сюжетов пытались найти и на другом поле: не в связи с местом происхождения сказки, а в связи с раскрытием ее внутренней природы.

Первая позиция, которую отстаивал М. Мюллер, заключается в интерпретации мифов (а следовательно, и волшебных сказок) в качестве искаженного изображения таких природных явлений, как солнце и его разнообразные воплощения, луна, заря, жизнь растений, гроза.

Вторая позиция принадлежит Л. Лейстнеру (чуть позже тот же взгляд отстаивал Г. Якоб), показавшему взаимосвязь между основными сказочными и фольклорными мотивами и повторяющимися символическими снами.

Третья позиция, на которой стоял А. Бастиан, заключалась в рассмотрении основных мифологических мотивов как «элементарных идей» человечества, которые не передаются от одного человека к другому, а являются врожденными для каждого индивида и могут возникать в разных вариациях в самых разных странах и у разных народов.

Четвертая позиция, пожалуй, наиболее разработанная и авторитетная, отстаивается представителями аналитической психологии, идущей от работ К. Г. Юнга. Одна из наиболее ярких последовательниц юнгианского взгляда на природу волшебных сказок М.-Л. фон Франц указывает на разницу между третьей и четвертой позициями: «Для нас же <...> архетип – это не столько «элементарная идея», сколько «элементарная эмоция», элементарный поэтический образ, фантазия, а возможно, даже элементарный импульс, направленный на совершение некоторого символического действия» (Франц, 1998, с. 16). По ее мнению, эмоциональная составляющая при психологическом исследовании очень важна, поскольку сугубо рациональный подход неизбежно приводит к смешению разных архетипов и превращению их в хаос, что обусловлено их взаимодействием и взаимовлиянием. «Это похоже на то, что происходит при печатании наложенных друг на друга фотографий, которые уже никак нельзя представить в отдельности. Вероятно, нечто подобное происходит и в бессознательном, что обусловлено его относительной вневременностью и внепространственностью» (там же, с. 22).

Проблема происхождения сказок

Первые научные исследования, посвященные проблеме волшебных сказок, относятся к XVIII веку. Речь идет не только о целенаправленном собирательстве фольклорных сказок, предпринятом братьями Якобом и Вильгельмом Гримм (чуть позже такую же работу провел Перро во Франции), но и о попытках интерпретаций их содержания (И. И. Винкельман, И. Г. Гаман, И. Г. Гердер, К. Ф. Моритц и др.). Так, например, И. Г. Гердер видел в сказках символическое отражение древних забытых верований. Е. М. Мелетинский и его последователи рассматривают сказку как отражение бытовавших ритуалов. Чаще всего сказка связывается с обрядом инициации.

Из современных чрезвычайно глубоким является исследование происхождения сказок, предпринятое А. Е. Наговицыным и В. И. Пономаревой. Их принципиальной позицией является тезис о непосредственной связи сказки с социумом и культурой, причем такой связи, в которой сказка выступает одновременно в традиционной и новаторской роли. Это касается

не только народной сказки, но и авторской, поскольку любой автор находится в социуме, подпитываясь от культуры и питая ее. По их мнению, необходимо учитывать, что инициация не является одномоментным действием. К будущей социальной роли женихов и невест, равно как воинов, жрецов и т. п., специально готовили с детства, при этом не раскрывая напрямую некоторые базовые секреты, тайны рода, но тем не менее выдавая их подрастающему поколению в закодированном виде.

Сказка выступала не только мерилom готовности к инициации, но и своеобразным «профориентационным тестом»: по реакции на содержащиеся в ней определенные раздражители выявлялась «божественная принадлежность» к той или иной сфере деятельности. Иными словами, по А. Е. Наговицыну и В. И. Пономаревой, сказка служила прежде всего способом подготовки к обряду инициации. Можно предполагать, что сказочные сюжеты предлагались старшими членами племени, которые призывались для воспитания младших и в процессе которого они слагали и пересказывали мифологические истории о происхождении рода, Земли и т. д.

Сознательное кодирование информации в виде сказок и преданий осуществляли и представители жреческо-шаманского сословия, при этом по содержанию сказки были доступны и непосвященным, но ключи к их мистическому пониманию и осмыслению выдавались только после инициации.

Нельзя не заметить и того факта, что сказки выступали средством нравственного воспитания, предлагая определенные модели поведения, наиболее приемлемые для того или иного этапа культурного развития человеческого общества. Кроме того, по мнению целого ряда авторов, самые древние сказки о животных несомненно связаны с тотемом рода – тем или иным животным, которое выступало символическим средоточием наиболее важных для человека родовых качеств.

Итак, однозначно определить единственный и конкретный источник происхождения сказок не представляется возможным.

Сказки в культурологии и психологии

Е. М. Мелетинский считал, что сказка рождается из мифа: «Основные ступени процесса трансформации мифа в сказку – деритуализация и десакрализация, ослабление строгой веры в истинность мифических событий, развитие сознательной выдумки, потеря этнографической конкретности, замена мифических героев обыкновенными людьми, мифического времени – сказочно-неопределенным, <...> перенесение внимания с коллективных судеб на индивидуальные, <...> с чем связано появление ряда новых сюжетов и некоторых структурных ограничений» (Мелетинский, 1973, с. 264).

Весьма распространенный взгляд на сказку как на «осколок мифа», идущий от школы Дж. Фрезера (Фрезер, 1983), может быть оспорен: целый ряд сказок оказывается более древним, чем миф, и, безусловно, сказка глубже и сложнее мифа.

В этом отношении примечательна точка зрения известного психолога юнгианского направления Марии-Луизы фон Франц, которая полагает, что в отличие от мифа, имеющего явно выраженный национальный характер, волшебные сказки находятся вне культуры, вне расовых различий, поэтому способны очень легко мигрировать. Они являются интернациональным языком для всего человечества, для людей всех возрастов и всех национальностей, независимо от их культурных различий. М.-Л. фон Франц пишет: «Мне кажется, что волшебная сказка похожа на море, а саги и мифы подобны волнам на его поверхности: сказка то «поднимается», чтобы стать мифом, то «опускается», снова превращаясь в волшебную сказку. И опять мы приходим к идее о том, что волшебные сказки как в зеркале отражают более простую, но вместе с тем и более базисную структуру психического, его скелетную основу» (Франц,

1998, с. 32). Говоря о возможности появления сказки прежде мифа, она ссылается на работы филолога Е. Швайцера, убедительно показавшего, что миф о Геркулесе составлен из отдельных эпизодов, каждый из которых представляет собой определенный сказочный мотив. Он доказал, что эта история превратилась в миф, изначально являясь волшебной сказкой, но затем став обогащенной и поднятой до литературного уровня.

Одно из главных отличий сказки от мифа состоит, как указывают А. Е. Наговицын и В. И. Пономарева, в том, что последний открыт по содержанию, фактологичен в своем наполнении и однозначен по смыслу. Сказка же всегда многозначна, многоаспектна; демонстрируя выбор пути героем, она дает возможность воспитания не на одном образце, как в мифе, а на выявлении степени готовности члена социума к переходу в новое качество (возрастное, социальное).

Есть и другой взгляд. Известный российский исследователь фольклора, литературовед В. Я. Пропп, проанализировав особенности волшебных сказок в своей работе «Исторические корни волшебной сказки», указывал на то, что формально миф не может быть отличен от сказки. «Сказки и мифы (в особенности мифы доклассовых народов) иногда настолько полно могут совпадать между собой, что в этнографии и фольклористике такие мифы часто называют сказками. Между тем если исследовать не только тексты, а исследовать социальную функцию этих текстов, то большинство их придется считать не сказками, а мифами» (Пропп, 1998, с. 124).

Создатель психоанализа З. Фрейд сказками специально не занимался, хотя и касался этого вопроса, но его последователь О. Ранк рассматривал сказку как вуалирующую сексуальный комплекс, в противоположность мифу, где комплекс представлен откровенно, открыто. По его утверждению, сказка как раз и появляется в тот период, когда семейно-родовые отношения стали упорядочиваться, накладывая определенные ограничения на поведение людей. Среди крупнейших психоаналитиков – исследователей сказки выделяются Э. Фромм и Б. Беттельхайм. «Забытым языком» называл Э. Фромм язык сновидений, мифов и сказок, рассматривая их через язык символов.

Особое значение имеют сказки в юнгианской психологии. Функциональные структуры коллективного бессознательного – архетипы – Юнг сравнивал со стереометрической структурой кристалла. Это первичные формы, организующие психические содержания, схемы, согласно которым образуются мысли и чувства всего человечества. Результатом актуализации архетипов становятся архетипические идеи, являющиеся основным содержанием мифологических представлений. Сказка в концепции Юнга выступает средством встречи ее читателя с самим собой. Сказочный сюжет рассматривается как отражение внутреннего мира читателя, в сказке описывается индивидуация как процесс своеобразного внутреннего путешествия. Поиск и выявление изначальной, первозданной, архетипической «самости» составляет отличительную черту многочисленных исследований сказки юнгианского толка.

По наблюдениям известного юнгианца Х. Дикманна, сказки, эмоционально затронувшие в детстве, могут повлиять на судьбу человека. Они связаны с внутренним миром человека, его поступками и переживаниями, а также его сильными и слабыми сторонами и даже болезнями. По мнению Х. Дикманна, часто такую роль может сыграть сказка или сказочная история, особенно любимая человеком в детстве или, наоборот, сильно пугавшая его в то время. Другими словами, сказка, которая произвела сильное эмоциональное впечатление на человека. Позднее она была забыта или вытеснена и тем самым погружена в бессознательное, где, однако, продолжала обладать значительной энергией, о чем взрослый человек мог и не подозревать (Дикманн, 2000).

С точки зрения представителей трансактного анализа, особого внимания заслуживает изучение ролевого взаимодействия героев сказок. В соответствии с данной концепцией каждый персонаж сказки символизирует определенную роль, которую человек может играть в

жизни или даже класть в основу своего жизненного сценария. В частности, в книге «Люди, которые играют в игры» Эрик Берн описывает жизненные сценарии персонажей сказки «Золушка»: самой Золушки, ее Отца, Мачехи, Сводных сестер, Крестной матери, Принца, Короля, Гонца, Придворного – и показывает, как сценарий Золушки разворачивается в реальной жизни.

В рамках бихевиорального подхода сказки рассматриваются как описания моделей поведения. Соответственно, работая со сказкой, можно помогать клиенту усваивать продуктивные модели, реконструировать непродуктивные и протраивать модели желаемого поведения. Идеи, изложенные в сказках, могут быть напрямую перенесены в жизнь. Так, смысл сказки «Репка» мог бы бихевиористами сформулирован, например, так: «Не сдавайся! Попробуй приложить дополнительное усилие, пусть даже очень маленькое; может быть, именно его не хватает для достижения успеха». Сказки формируют своеобразный банк образцов поведения в тех или иных жизненных обстоятельствах.

Представители гипнотической школы указывают на сходство между наведением транса и прослушиванием сказки. В эриксоновской школе бессознательное рассматривается как хранилище всего опыта человека, его памяти, знаний; бессознательное – главный источник беспредельных возможностей разрешения проблемы, устранения симптома. При наведении транса удастся обращаться напрямую к бессознательному, избегая сопротивления со стороны человека. Особенно эффективно при этом рассказывание психотерапевтических историй, которые часто похожи на сказку. Используя сказки и истории, психолог может сообщить ребенку или взрослому какую-то важную информацию, избежав при этом чтения нотаций и каких-либо жестких директивных указаний, которые, как правило, вызывают у человека агрессию и отторжение.

Сказка используется и в других психотерапевтических направлениях.

* * *

Итак, при всем многообразии трактовок происхождения сказки и многочисленности ее источников вполне очевидно, что сказки удовлетворяли какую-то чрезвычайно важную потребность человека. По всей видимости, они продолжают удовлетворять эту потребность и сейчас – ведь народные сказки почему-то продолжают сохраняться в культуре. С нашей точки зрения, архетипические образы и сюжеты сказок направлены на удовлетворение важнейшей потребности человека – потребности быть субъектом – создателем своего мира и его активным преобразователем. Поэтому именно с позиций психологии субъектности можно объяснить механизмы воздействия и возможности применения сказок в работе практического психолога. Об этом пойдет речь в следующих главах.

Глава 2. Понятие сказки и типология сказок

Что же такое сказка?

Прежде чем начать разговор о возможностях сказки как развивающего и психотерапевтического средства, давайте вспомним одну старую восточную притчу. Странствующий искатель истины увидел большой камень, на котором было написано: «Переверни и читай». Он с огромным трудом перевернул тяжелый камень и прочел на другой стороне: «Зачем ты ищешь нового знания, если не обращаешь внимания на то, что уже знаешь?» (*Кротов*, 1997). О чем эта притча? Может быть, как раз о сказках? Ведь все мы стремимся узнать нечто новое, познакомиться с последними разработками в области педагогики и психологии, использовать неизвестные ранее технологии. Но часто забываем о том, что нам известно с самого раннего детства – о сказках. Мы знаем их, но не обращаем внимания на это знание, считая его уже использованным багажом. Но это не так. В сказках для нас есть еще много неоткрытого и невостребованного.

Выполните простое задание. Возьмите лист бумаги и напишите на нем слово «сказка». А теперь запишите те ассоциации, которые возникли у вас в связи с этим словом, может быть, определения этого понятия, может быть, названия конкретных сказок – в общем, что захотите, что приходит в голову, когда вы слышите – «сказка». Что у вас получилось? Наверное, возник ассоциативный ряд примерно такого плана: детство, теплота, бабушка, радость, вымысел, страшно...

А теперь попробуйте дать четкое и исчерпывающее определение сказки... Это задание оказалось посложнее? Удивительный парадокс: мы все с детских лет прекрасно знаем, что такое сказка, но сформулировать четкое определение оказывается для нас весьма затруднительным.

Давайте попробуем обратиться к ученым и выяснить, как же трактуется сказка в науке. Вот несколько определений сказки, взятых из разных источников:

- Вымышленный рассказ, небывалая и даже несбыточная повесть, сказание» (*Даль*, 1994. Т. 4, с. 170).
- Повествовательное, обычно народно-поэтическое, произведение о вымышленных лицах и событиях, преимущественно с участием волшебных, фантастических сил» (*Ожегов*, 1986, с. 625).
- Повествовательное произведение устного народного творчества о вымышленных событиях, иногда с участием волшебных фантастических сил» (Словарь русского языка, 1988. Т. 4, с. 102).
- Один из основных жанров устного народно-поэтического творчества, эпическое, преимущественно прозаическое художественное произведение волшебного, авантюрного или бытового характера с установкой на вымысел» (Литературный энциклопедический словарь, 1988, с. 383).
- Краткая, поучительная, чаще оптимистичная история, включающая правду и вымысел» (*Нартова-Бочавер*, 1996, с. 8).
- Произведение, в котором главной чертой становится установка на раскрытие жизненной правды с помощью возвышающего или снижающего реальность условно-поэтического вымысла» (*Аникин*, 1984, с. 69).
- Абстрагированная форма местного предания, представленного в более сжатой и кристаллизованной форме <...> Изначальной формой фольклорных сказок являются местные предания, парapsихологические истории и рассказы о чудесах, которые возникают в виде обычных

галлюцинаций вследствие вторжения архетипических содержаний из коллективного бессознательного» (*Франц*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.